

Ощувив, как его охватило тепло, сердце Хуан Баньсяня, которое до этого бешено колотилось, постепенно успокоилось, и цвет лица его больше не был таким бледным, как прежде.

— Господин Хуан, вам известен ли способ разгадки этой загадки? — снова спросил князь Жуй.

К этому времени Хуан Баньсянь уже пришел в себя, собрав мысли воедино. В его голове оставалась лишь одна мысль — ни в коем случае нельзя попасть в его ловушку.

— Воля Небес непреодолима... — после долгого молчания Хуан Баньсянь произнес спокойно. — Ничто нельзя делать через силу... Я сказал всё, что мог. Если продолжу, боюсь, это укоротит жизнь Вашего Высочества.

Князь Жуй сначала на мгновение застыл, а затем засмеялся, но его смех был непонятен:

— Благодарю вас, господин Хуан, за ваш совет. Вы действительно открыли мне глаза.

Сыту, наблюдавший за этим, едва сдержал усмешку. В его голове мелькнула мысль: «Ребенок сказал что-то, что вроде бы и не сказал ничего. Что же такого открыл себе этот князь Жуй?»

После этого они еще несколько раз подняли бокалы, обменялись вежливыми фразами, и Сыту, взяв с собой Сяо Хуана, покинул зал.

Когда они снова оказались в лавке портного, одежда была уже готова, сшитая по мерке. Ребенок выглядел в ней невероятно хорошо. Сыту, довольный, протянул руку, чтобы взять его за руку и пойти обратно, но Хуан Баньсянь, почему-то, невольно пытался отдернуть свою руку. В конце концов, они добрались до подножия горы Хэминшань.

— Хочешь, я тебя понесу? — обернувшись, спросил Сыту у Хуан Баньсяня, который все это время молчал, опустив голову.

Ребенок поспешно замотал головой и даже отступил на два шага назад.

В глазах Сыту мелькнул холод. Он схватил Хуан Баньсяня и прижал его к дереву на обочине, пристально глядя в глаза ребенка, холодно спросил:

— Что за выходки ты устраиваешь?

Сыту и сам не понимал, откуда взялась такая злость. Просто с самого начала он чувствовал, что что-то не так. Хуан Баньсянь, казалось, намеренно или нет, но отдалялся от него. В груди было тяжело, и, не успев осознать, он уже прижал его к дереву.

Спина Хуан Баньсяня болезненно отозвалась на удар, и он с удивлением поднял глаза на Сыту, увидев его мрачное лицо, светло-голубые глаза, пристально смотрящие на него. Вместе с

лицом Сыту в поле зрения попали и ветви вечнозеленого дерева над головой, и серо-голубое небо, отчетливо виднеющееся сквозь листву... И тут он внезапно осознал, что дождь, похоже, уже прекратился.

После долгого молчания Хуан Бансянь вдруг вскрикнул:

— Ах!

— Что? — Сыту нахмурился, еще больше удивляясь странностям ребенка.

— Мы забыли зонт в лавке, — с тревогой сказал Хуан Бансянь. — Может, вернемся за ним?

Сыту смотрел на него некоторое время, а затем вдруг рассмеялся, мягко покачав головой:

— Всего лишь зонт. Что с того, если мы его не заберем?

Услышав это, Хуан Бансянь слегка удивился, затем кивнул и снова опустил голову, выглядев при этом довольно расстроенным.

— Если ты действительно хочешь его, я пошлю кого-нибудь за ним, — Сыту, пытаясь понять мысли Сяо Хуана, увидел, что его лицо оставалось спокойным, и спросил:

— Или ты хочешь, чтобы мы вернулись за ним сейчас же?

Хуан Бансянь поспешно замотал головой, затем снова посмотрел на руку Сыту, державшую его за руку. Ему было немного больно.

Сыту, смирившись, отпустил его и снова спросил:

— Что за выходки ты устраиваешь?

Тот же вопрос, но на этот раз его голос звучал намного мягче.

Сяо Хуан покачал головой, произнес хриплым голосом:

— Ничего.

— Что я сделал не так? — Сыту схватил его за подбородок, заставив поднять голову и встретиться с ним взглядом. — Говори прямо. Я не люблю догадываться.

Подбородок Хуан Бансяня болезненно сжался, и, видя, как Сыту на него давит, он наконец тихо произнес:

— Ты ведь на самом деле ненавидишь князя Жуя...

Сыту озадаченно посмотрел на него. Он думал, что, возможно, обидел его каким-то словом или чем-то, что произошло при покупке одежды. Какое отношение к этому имеет князь Жуй?

— Ты ведь ненавидишь его, так почему же ты так хорошо с ним говорил? — Хуан Баньсянь оттолкнул руку Сыту, державшую его за подбородок, потер подбородок, прикусив губу, и сказал:

— Я не могу понять, что из твоих слов правда, а что ложь.

Сыту долго смотрел на Сяо Хуана, а затем уголки его губ приподнялись, и он рассмеялся. Сначала это был тихий смешок, но затем, чем больше он думал, тем смешнее ему становилось, и он разразился громким смехом.

Хуан Баньсянь, сбитый с толку, не осмелился прервать его, лишь с тревогой наблюдал.

Когда Сыту наконец перестал смеяться, он выпрямился, одной рукой опершись на дерево за спиной Хуан Баньсяня, и тихо спросил:

— Что? Ты боишься, что я тебя обману?

Хуан Баньсянь отодвинулся назад, подняв глаза на Сыту, чье лицо выражало нечто загадочное. Он не знал, как ответить, и в конце концов просто честно кивнул.

Сыту, подняв указательный палец, мягко провел им по подбородку и шее ребенка, где кожа была особенно нежной. Он приблизился и сказал:

— Похоже, я занимаю в твоём сердце не последнее место, раз ты так беспокоишься, искренен ли я с тобой.

Хуан Баньсянь смотрел на лицо Сыту, которое было так близко, и не знал, что сказать. Его лицо невольно покраснело.

Они стояли так близко, что Сыту заметил, как на бледном лице ребенка постепенно проступил румянец, и вдруг почувствовал в этом что-то необъяснимо притягательное. Он наклонился еще ниже, почти касаясь носом носа, и его взгляд сосредоточился на тонких губах ребенка... Их нежно-розовый цвет почему-то вызвал в нем желание попробовать их на вкус, предполагая, что они должны быть слегка сладковатыми.

Инстинкт всегда опережает сознание, и Сыту снова последовал своим желаниям — он наклонился и схватил уголок губ Хуан Баньсяня. Ребенок, похоже, был шокирован его действием, и его рот непроизвольно открылся. Сыту усмехнулся, схватил подбородок Сяо Хуана, не давая ему сомкнуть губы, и просунул язык внутрь. В момент соприкосновения губ и зубов Сыту почувствовал неожиданную мягкость и сладость, которую он даже не мог описать, но которая оказалась именно такой, как он и представлял. Затем он начал сжимать и кусать

губы, закрыв глаза, позволяя себе делать то, что даже сам не мог объяснить.

Когда Хуан Баньсянь наконец очнулся от шока, он уже был в объятиях Сыту, вдыхая его запах и чувствуя тепло их сплетенных губ и языков. Он был в замешательстве. За всю свою жизнь его никогда не целовали, и он не знал, как на это реагировать. Кроме того, он обнаружил, что поцелуй не был таким уж неприятным. Единственное, что его беспокоило, — это то, что он не мог дышать, его разум отказывался работать, а сердце бешено колотилось... Но других неприятных ощущений не было. Наоборот, подняв голову, он мог видеть несколько прядей волос Сыту, развевающихся на прохладном горном ветру, и в его голове промелькнула мысль — почему у этого человека, с таким вспыльчивым характером, волосы такие мягкие?

Через некоторое время Сыту, удовлетворив свое желание, отпустил его. Он ожидал, что Хуан Баньсянь, если не ударит его в гнев, то хотя бы смутится и убежит. Но вместо этого он обнаружил, что ребенок все еще стоит в его объятиях. Опустив взгляд, он увидел, что Хуан Баньсянь смотрит на него широко раскрытыми глазами, его лицо выражало только шок.

Нахмурившись, Сыту почувствовал себя немного разочарованным и, сердито взглянув на Хуан Баньсяня, спросил:

— Тебя поцеловали, и ты ничего не чувствуешь?

Хуан Баньсянь задумчиво моргнул, подумал и сказал:

— Чувствую... соленое...

Лицо Сыту постепенно потемнело, и он с усмешкой произнес:

— Соленое?

Хуан Баньсянь кивнул.

— Больше ничего?

Сыту приподнял бровь, его лицо выражало гнев.

— Еще... это грязно... — сказал Хуан Баньсянь, вытирая губы. — Сплошная слюна.

Сыту был настолько разозлен, что его лицо стало серым, а взгляд — опасным.

— Грязно? Слюна?

Хуан Баньсянь, почувствовав гнев Сыту, слегка отступил назад, оглядываясь, нет ли кого-нибудь вокруг.

Сыту с усмешкой приблизился к его уху и сказал:

— Только сейчас вспомнил, что можно убежать? Уже поздно!

С этими словами он схватил Хуан Бансяня за талию.

— Ах!

Сяо Хуан вскрикнул от неожиданности, попытался убежать, но Сыту схватил его и крепко обнял, начав щекотать. Затем, словно этого было мало, он сжал поясницу ребенка... Пока Хуан Бансянь, сдерживая слезы, не попросил пощады, Сыту не отпустил его.

Теперь Сяо Хуан, из-за недавней борьбы, выглядел слегка растрепанным, а на его лице появился легкий румянец смущения. Нельзя было точно сказать, что именно, но он выглядел очень привлекательно.

<http://bllate.org/book/15274/1348295>